

В. И. АВЕРШИН

БОРЬБА СССР ЗА МИР И КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (май 1935 г. — июль 1936 г.)

Крупные изменения, происшедшие ныне на международной арене, обусловлены прежде всего последовательно проводимой КПСС и Советским государством миролюбивой внешней политикой. Политика мира, проводимая СССР, отмечается в постановлении ЦК КПСС о 50-летию СССР, «была и остается важнейшим фактором, противодействующим агрессивной стратегии империализма и реакции, орудием активной борьбы против захватнических войн, за безопасность и свободу народов, за социальный прогресс»¹. В осуществлении внешнеполитических мероприятий Коммунистической партии и Советского государства важную роль играет опыт прошлого, в частности опыт борьбы советской дипломатии против фашистской агрессии, за создание эффективной системы коллективной безопасности накануне второй мировой войны.

Заключение советско-французского и советско-чехословацкого пактов о взаимной помощи подтвердило правильность позиции СССР, твердо следовавшего курсом политики, направленной на сохранение и укрепление мира, на предотвращение агрессии. Будучи крупным успехом советской внешней политики, возникшая система договоров о взаимной помощи могла послужить основой для более широкого утверждения принципов коллективной безопасности в международных отношениях. Советское правительство продолжало активную внешнеполитическую деятельность, направленную на организацию коллективного отпора агрессорам. Проведение такой политики было сопряжено с большими трудностями. Усилия советской дипломатии наталкивались на ожесточенное сопротивление не только агрессивных фашистских держав, но и влиятельных кругов западных стран, рассчитывавших направить фашистскую агрессию на восток, против СССР. Тенденции сговора с фашистскими державами на антисоветской основе были сильны и среди правых буржуазных группировок стран, пошедших на

¹ «Правда», 1972, 22 февраля.

подписание договоров о взаимной помощи с Советским Союзом, — Франции и Чехословакии.

В то время как жизненные интересы Франции настоятельно требовали неуклонного выполнения советско-французского пакта о взаимной помощи, французский министр иностранных дел Лаваль рассматривал этот пакт как орудие в своей политике сговора с гитлеровской Германией². Уже вскоре после подписания пакта с СССР Лаваль убеждал польского министра иностранных дел Бека, что не настроен «антигермански» и не намерен придавать французской политике «русофильское направление», но «Франция опасается возвращения к политике Рапалло», — подчеркнул французский министр иностранных дел. Лаваль заявил, что благодаря его усилиям «договор (с Советским Союзом. — В. А.) не предусматривает автоматической помощи и предоставляет французскому правительству полную свободу в окончательной интерпретации его положений»³. Сторонник антисоветского сговора с фашистскими державами, он стремился подорвать франко-советское сотрудничество и заключить гарантийный пакт между Францией, Германией и Польшей⁴.

Считая, что скорейший ввод в действие пакта о взаимной помощи с Францией окажет благоприятное воздействие на международную обстановку и послужит серьезным предупреждением агрессорам, Советское правительство добивалось его незамедлительной ратификации. Иной была позиция Лавали. С целью максимально замедлить, а по возможности и сорвать ввод в действие пакта Лаваль передал законопроект о его ратификации в парламент, хотя для того, чтобы пакт обрел силу, было достаточно подписи президента Франции⁵.

Во время пребывания Лавали в Москве в середине мая 1935 г. было решено начать в ближайшее время переговоры между генеральными штабами СССР и Францией⁶. Однако тормозя ратификацию пакта о взаимной помощи с Советским Союзом, Лаваль одновременно препятствовал и подписанию военного соглашения между двумя странами⁷. Вскоре после возвращения из Москвы он распорядился отложить штабные переговоры с СССР⁸.

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. 18, стр. 7.

³ *Diariusz i teki J. Szembeka* (1935—1945), t. 1. L., 1964, str. 185—186.

⁴ История второй мировой войны 1939—1945, т. 1. М., 1973, стр. 290.

⁵ ДВП СССР, т. 18, № 328, стр. 458—459. Польский дипломат рассказывал вице-министру иностранных дел Польши Я. Шембеку, что Лаваль, будучи предупрежден о визите советского посла, и зная, что тот будет настаивать на скорейшей ратификации пакта, за час до его прихода передал законопроект о ратификации в парламент. — *Diariusz i teki J. Szembeka*, t. 2. L., 1965, str. 63.

⁶ *Les Evenements survenus en France de 1933 a 1945. Temoignages et documents recueillis par la Commission d'Enquete parlementaire*, t. 1. P., 1951, p. 142—143.

⁷ ДВП СССР, т. 18, № 289, стр. 420.

⁸ W. E. Scott. *Alliance against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pakt*. Durham, 1962, p. 266.

Советское правительство, движимое стремлением придать договору с Францией действительную эффективность, неоднократно поднимало в Париже вопрос о дополнении его военной конвенцией. В июне 1935 г. советский полпред во Франции В. П. Потемкин встретился с французским военным министром Фабри. В. П. Потемкин указал на необходимость скорейшего заключения военной конвенции между двумя странами. Однако глава военного ведомства Франции отказался вести с советским представителем какие-либо переговоры на эту тему⁹. Сменивший Фабри генерал Морэн полностью разделял взгляды своего предшественника на военное сотрудничество с СССР¹⁰. Некоторые видные французские военные деятели вопреки очевидным фактам, утверждали, что для безопасности Франции первостепенное значение имеет сохранение союзных отношений с Польшей, и выступали против укрепления франко-советского сотрудничества¹¹. В интервью американскому историку У. Скотту 8 декабря 1950 г. бывший премьер-министр Франции П.-Э. Фланден, задним числом пытаясь оправдать действия французских правящих кругов, а заодно бросить тень на политику защиты мира, проводимую СССР, заявил: «Мы... не хотели привести русскую армию в центр Европы»¹².

Французские правящие круги не проявляли активности и в укреплении связей с государствами, входившими в военно-политические союзы, созданные под эгидой Парижа. Французское правительство медлило с ратификацией соглашений со странами Малой Антанты об углублении военного сотрудничества¹³. Осенью 1935 г. в дипломатических кругах распространились слухи о том, что Франция готовится отказаться от обязательств оказания помощи своим союзникам в Центральной и Юго-Восточной Европе¹⁴.

Открытая подготовка Германии к войне, рост агрессивных устремлений в Италии, Венгрии и Болгарии усилили тревогу в чехословацких правящих кругах. 3 июня 1935 г. президент Чехословакии утвердил законопроект о ратификации советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи¹⁵. Тем самым чехословацкие правящие круги опередили Париж, ратифицировав пакт с СССР раньше, чем это сделала Франция. Однако начало тесному сотрудничеству с Советским Союзом не было положено. Соглашения с СССР рассматривались в Праге, вслед за Парижем, как возможность

⁹ P. Reunaud. Au couer de la malee. 1930—1945, P., 1951, p. 82—83.

¹⁰ История второй мировой войны, т. I, стр. 303.

¹¹ Documents diplomatiques Francais (далее — DDF). 2. ser., t. 1, P., 1963, N 83, p. 123.

¹² W. E. Scott. Alliance against Hitler, p. 245.

¹³ R. Kiszling. Die "militärischen Verenbarungen der Kleinen Entente (1929—1937)". — „Südost-Forscxungen“. München, 1959, Bd. 18, S. 145.

¹⁴ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1789, л. 113.

¹⁵ ДВП СССР, т. 18, стр. 336.

усилить свои позиции в переговорах с гитлеровской Германией, к сделке с которой стремились как Лаваль, так и Бенеш¹⁶.

В июне 1935 г. чехословацкий министр иностранных дел вел переговоры в Москве. Официальное коммюнике об этих переговорах гласило, что «заключенные обоими правительствами договоры и соглашения создали прочную базу» для укрепления сотрудничества между СССР и Чехословакией¹⁷. Обсуждались и вопросы установления контактов по военной линии. Бенеш беседовал на эту тему с К. Е. Ворошиловым, Нарком по военным и морским делам СССР указал на необходимость тесного сотрудничества между вооруженными силами двух стран и заявил, что в случае агрессии против Чехословакии Советский Союз окажет ей всестороннюю поддержку¹⁸. Однако чехословацкий министр иностранных дел занял по этому вопросу уклончивую позицию¹⁹. Состоявшийся в августе—сентябре 1935 г. взаимный обмен военными делегациями также не послужил отправной точкой тесного чехословацко-советского сотрудничества. Чехословацкая сторона упорно противилась установлению контактов между армиями двух стран. В донесении, направленном германской агентурой в Чехословакии в Берлин, говорилось, что «... в чехословацком генеральном штабе оказывается противодействие Москве на том основании, что в случае, если большевистские армии дойдут до Чехословакии и Румынии, то возникнет опасность большевизации Малой Антанты»²⁰. Военная конвенция, на подписании которой настаивал Советский Союз, так и не была заключена.

Таким образом, учитывая огромное значение, которое имела для Чехословакии помощь СССР в тогдашней международной обстановке, чехословацкие правящие круги, отказываясь заключить военное соглашение с Советским Союзом, жертвовали национальными интересами собственной страны в угоду сторонникам сговора с гитлеровской Германией.

Советское правительство рассматривало договоры о взаимной помощи, заключенные с Францией и Чехословакией, как первый важный этап на пути создания общеевропейской системы коллективной безопасности. Борясь за создание прочного барьера против фашистской агрессии, советская дипломатия стремилась к всемерному расширению и укреплению фронта государств, заинтересованных в сохранении мира. Во второй половине 1935 г. начались советско-румынские переговоры о заключении пакта о взаимной помощи. Нормализация дипломатических отношений между Румы-

¹⁶ Отдел рукописных фондов Института истории АН СССР (далее — ОРФ ИИ АН СССР), ф. «Ж», д. 9, л. 226. Австрийский посланник в Чехословакии — МИД. 4 июня 1935 г.

¹⁷ ДВП СССР, т. 18, № 264, стр. 388

¹⁸ V. Kral. Spojenectví československo-sověské a evropské politice 1935—1939. Praha, 1970, str. 73—74.

¹⁹ Ibidem.

²⁰ Внешняя политика Чехословакии 1918—1939. М., 1959, стр. 383.

нией в СССР в 1934 г., поддержка румынским министром иностранных дел Н. Титулеску ряда важных внешнеполитических инициатив Советского Союза создали необходимую основу для дальнейшего углубления сотрудничества между двумя странами. Переговоры проходили в обстановке постоянно усиливавшегося давления на Румынию со стороны гитлеровской Германии и панской Польши, усматривавших в планах создания общеевропейской системы коллективной безопасности преграду для осуществления своих агрессивных замыслов. Интриги германской и польской дипломатий, направленные на срыв советско-румынских переговоров, смыкались с ожесточенным сопротивлением румынской реакции попыткам укрепления сотрудничества с СССР. Дворцовая камарилья во главе с Каролом II упорно противилась участию Румынии в системе коллективной безопасности против фашистской агрессии²¹. Кароль II, премьер-министр Татареску и большинство министров правительства выступали за проведение политики «нейтралитета». Эта политика предусматривала тесное сотрудничество с Англией и Польшей, верность союзу с Францией и Малой Антантой при сохранении тесных экономических и политических связей с Германией²².

Осенью 1935 г. короля Румынии посетил его родственник князь Ф. Готенцоллерн. В беседе с германским посланником в Вене Папенем 10 сентября 1935 г. князь сообщил, что ему удалось убедить Кароля в серьезности «русской опасности». «Позиции Титулеску при дворе стали очень плохими...» и король желает улучшения отношений с Германией, добавил князь²³.

Активную антисоветскую деятельность осуществляла в Бухаресте польская дипломатия²⁴. В октябре 1935 г. Варшаву посетил румынский реакционный политический деятель Г. Братиану. Его просьба усилить давление на Бухарест с целью сорвать заключение советско-румынского договора о взаимной помощи встретила полное понимание и поддержку со стороны польского правительства. Польский вице-министр иностранных дел Я. Шембек заявил Братиану, что советско-румынский пакт будто бы представляет серьезную угрозу Румынии, так как вовлечет-де ее в орбиту советской внешней политики²⁵. Польская дипломатия усиленно способствовала распространению в Румынии антисоветской пропаганды, щедро субсидируя с этой целью реакционные органы печат-

²¹ Documents on German Foreign Policy (далее — DGFP). Ser. „C“, vol. 4. Wash., 1962, № 385, p. 781—782; H. Seton-Watson. Eastern Europe between the wars 1918—1941. Cambridge, 1946; p. 390.

²² Z. A v r a m o v s k i. Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta, pad Tituleskua i posledice za Rumunsku spoljnopoliticku orijentaciju. — «Istoria XX veka». Zbornik radova. VII. Beograd, 1965, str. 12—13.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 109.

²⁴ ДВП СССР, т. 18, № 418, стр. 566; стр. 667—668, примечание 247; DGFP, Ser. „C“, vol. 4, N 162, p. 335.

²⁵ Dziariusz i teki I. Szembeka, t. 1, str. 365—366.

ти²⁶. Варшава не остановилась и перед прямой угрозой в адрес румынского правительства. Бухарест был поставлен в известность, что в случае заключения советско-румынского договора Польша рассматривает целесообразность дальнейшего сохранения военного союза с Румынией²⁷.

Сильное противодействие заключению советско-румынского пакта оказывала королевская Югославия, правительство которой упорно отказывалось признать Советский Союз²⁸. Сессия совета Малой Антанты, состоявшаяся в конце августа 1935 г. в Бледе, не принесла по этому вопросу никаких изменений²⁹. Антисоветская позиция Югославии находила поддержку со стороны французского министра иностранных дел Лавалля. В сентябре 1935 г. Париж посетил югославский премьер-министр Стоядинович. Лаваль настоятельно рекомендовал ему не идти на сближение с СССР³⁰. Белград принял активное участие в дипломатических интригах, направленных на срыв советско-румынских переговоров, опасаясь в случае их успеха оказаться в изоляции. Германский посланник в Вене Папен сообщал в Берлин, что принц-регент Павел долгое время способствовал устранению Титулеску с политической арены³¹. Вернувшись из поездки в Румынию, Павел заявил в декабре 1935 г. германскому посланнику в Белграде, что «открыл глаза королю Каролю на коммунистическую опасность»³².

Во второй половине 1935 г., следуя политике сговора с агрессивными державами, проводимой Западом, югославское правительство предприняло ряд шагов, направленных на сближение с Германией. Немалую роль при этом играло желание Белграда заручиться поддержкой Берлина на случай попытки реставрации Габсбургов в Австрии. В августе 1935 г. германского посланника в Вене Папена посетил его югославский коллега Настасьевич. Он сообщил твердое мнение Белграда, что в случае попытки реставрировать монархию в Австрии Чехословакия и Румыния ограничатся «бумажными протестами». Настасьевич предложил заключить конфиденциальное военное соглашение между Югославией и Германией, направленное против подобного рода попыток. Сообщая об этом в Берлин, Папен писал, что предложение югославского посланника представляется ему «весьма знаменательным». Даже ни к чему не обязывающий обмен мнениями в военной сфере будет иметь результатом ослабление связей Югославии с ее союзниками по Малой Антанте, считал Папен³³.

²⁶ V. Král. Spojenectví československo-sovětské, str. 87.

²⁷ Ibid., str. 73; ДВП СССР, т. 18, № 216, стр. 324; стр. 647, примечание 163.

²⁸ ДВП СССР, т. 18, № 244, стр. 363.

²⁹ N. Titulescu. Documente diplomatice. Bucuresti, 1967, № 396, p. 674—677.

³⁰ В. Винавер. Неуспех тайних југословенско-советских преговора 1934—1938 године. — «Зборник за историју». Нови Сад, 1971, № 3, стр. 51, 64.

³¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 137.

³² Цит. по: В. К. Волков. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, стр. 117.

³³ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 103—104.

Отрицательное влияние на ход советско-румынских переговоров оказывала задержка французским правительством ратификации союзного договора с СССР³⁴. Более того, Париж откровенно тормозил заключение советско-румынского пакта о взаимной помощи. Заместитель начальника французского генерального штаба генерал Швайсгут, будучи на маневрах румынской армии, настойчиво рекомендовал румынскому правительству «замедлить сближение с Россией»³⁵.

Закулисным вдохновителем антисоветских интриг в Румынии выступала Англия. Британское правительство, активно проводя политику попустительства агрессии, стремилось не допустить создания эффективной системы пактов о взаимной помощи, усматривая в этом угрозу своим планам организовать новый «крестовый поход» против СССР. Берлин, хорошо осведомленный о настроениях, царящих среди британских правящих кругов в отношении усилий Советского Союза, направленных на коллективное обеспечение мира, рассчитывал использовать английское влияние в Бухаресте для торпедирования советско-румынских переговоров³⁶. В октябре 1935 г. внутренней и внешней реакции удалось добиться опубликования румынским правительством декларации, в которой Бухарест заявлял, что не пойдет на заключение соглашения с СССР, согласно которому советские войска получили бы право прохода через румынскую территорию. Английский посланник в Бухаресте направил по этому поводу «сердечное поздравление» своему польскому коллеге Арцишевскому³⁷. Папен сообщал в Берлин, что опубликование такой декларации является «победой британского правительства», которое стремится воспрепятствовать укреплению существующей системы пактов о взаимной помощи³⁸.

24 мая 1935 г., в дополнение к заключенному двумя месяцами ранее экономическому договору, было подписано германо-румынское клиринговое соглашение³⁹. Кроме того, Германия предоставила румынскому правительству кредит, выгодный для Румынии. В результате, Кароль отложил запланированную поездку Титулеску в Москву для конкретных переговоров о заключении советско-румынского пакта⁴⁰.

Двусмысленной была и позиция самого Титулеску, который считал необходимым условием подписания пакта с Советским Союзом одновременное заключение аналогичного пакта с Германией⁴¹. В июле 1935 г. Титулеску дал указание румынскому по-

³⁴ ДВП СССР, т. 18, № 436, стр. 584.

³⁵ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 401, p. 802.

³⁶ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 478, p. 945.

³⁷ *Diariusz i teki I. Szembeka*, т. 1 str. 383.

³⁸ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 106.

³⁹ ДВП СССР, т. 18, стр. 643, примечание 144; DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 110, p. 213.

⁴⁰ ДВП СССР, т. 18, № 271, стр. 396;

V. Kral. *Spojenectvi ceskoslovensko-sovetske*, str. 77.

⁴¹ А. А. Языков. Румыния накануне второй мировой войны 1934—1939 гг. М., 1963, стр. 94.

сольству в Берлине неуклонно придерживаться основной идеи румынской внешней политики, а именно идеи «равной дружбы со всеми великими державами, дружбы, из которой, по нашим понятиям, Германия не должна быть исключена»⁴². Конечный успех переговоров с СССР Титулеску упорно связывал с отказом Советского Союза от его законных прав на Бессарабию⁴³. В письме полпреду СССР в Чехословакии народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов писал, что «по мысли Титулеску, пакт (советско-румынский. — В. А.), в отличие от советско-чехословацкого и советско-французского, не должен ограничивать помощь случаями нападения со стороны Германии, а иметь в виду также агрессию со стороны Венгрии, причем, однако, Румыния не должна обязаться оказывать нам помощь против Польши, несмотря на то, что Титулеску хочет настаивать при этом на окончательном разрешении бессарабской проблемы»⁴⁴. Проект Титулеску, следовательно, имел мало общего с обеспечением коллективной безопасности в Европе, так как предусматривал односторонние преимущества в пользу Румынии и игнорировал тот факт, что Польша ведет политику, направленную против мира.

Ввиду позиции, занятой румынской стороной, переговоры о заключении советско-румынского пакта о взаимной помощи затянулись.

Вторая половина 1935 г. в международной политике проходила под знаком продолжающегося лихорадочного вооружения Германии и обострения итало-эфиопского конфликта. Провозгласив «историческими целями» Италии завоевания в Азии и Африке, Муссолини в качестве первой жертвы наметил Эфиопию. Длинная цепь провокаций и вооруженных столкновений, организовывавшихся итальянскими фашистами на границах Эфиопии, закончилась в начале октября 1935 г. вероломным нападением Италии на эту африканскую страну⁴⁵. Только Советский Союз осудил действия фашистской Италии и безоговорочно стал на сторону жертвы агрессии. «...Делегация СССР, — заявил советский представитель на заседании Совета Лиги наций 10 октября 1935 г., — считает своим долгом подтвердить свою готовность выполнить, наряду с прочими членами Лиги наций, все обязательства, которые налагает на всех без изъятия её Устав»⁴⁶. Однако правящие круги западных стран фактически попустительствовали агрессии. В результате обмена визитами начальников генеральных штабов Италии и

⁴² Цит. по: И. Опря. Дипломатическая деятельность Н. Титулеску. Бухарест, 1970, стр. 105.

⁴³ ДВП СССР, т. 18, № 283, стр. 406; № 291, стр. 422; № 407, стр. 557; № 426, стр. 573.

⁴⁴ ДВП СССР, т. 18, № 291, стр. 422.

⁴⁵ Фактически непосредственная подготовка к нападению на Эфиопию началась в 1932 г. — F. D. Laurens. France and Italo-Ethiopian crisis 1935—1936. The Hague—Paris, 1967, p. 14.

⁴⁶ ДВП СССР, т. 18, № 376, стр. 526.

Франции летом и осенью 1935 г. итальянское правительство получило возможность отвести с франко-итальянской границы значительную часть своих воинских формирований⁴⁷. Одновременно Франция закрыла железную дорогу от Джибути до Аддис-Абебы, по которой доставлялось снаряжение для эфиопской армии⁴⁸.

Таким образом, сохранению тесных связей с Италией Лаваль придавал большее значение, нежели сотрудничеству с СССР. Этому всячески способствовала Англия. В конце августа 1935 г. британский министр иностранных дел С. Хор заявил послу США в Лондоне, что, по его мнению, франко-итальянское взаимопонимание имеет для Франции значение намного большее, чем франко-советский союз⁴⁹.

2 октября 1935 г., т. е. в день нападения Италии на Эфиопию, временный поверенный в делах Германии в Лондоне сообщал в Берлин, что поведение Британии убедило Муссолини в том, что он может не опасаться «серьезной оппозиции» со стороны Англии в отношении планов Италии в восточной Африке⁵⁰. Вместе с тем в действиях Италии Лондон усматривал определенную угрозу своим имперским позициям. В связи с этим германский посланник в Австрии Папен сообщал в Берлин, что видный британский дипломат Бакстон, следовавший из Эфиопии в Лондон, заявил ему, что самым большим желанием английского министра иностранных дел С. Хора в сложившейся обстановке является тесное сближение с Германией⁵¹.

Твердая и решительная позиция, занятая СССР в Лиге наций по отношению к итало-эфиопской войне, возымела свое действие. 7 октября 1935 г. Совет Лиги признал Италию агрессором, а 9 октября Лигой наций, впервые в истории этого международного органа, было принято решение о применении к Италии финансовых и экономических санкций⁵². Этими мерами, однако, нельзя было решительно пресечь агрессию. По вине западных держав санкции против агрессора не затронули ряда важных для Италии видов сырья⁵³. Некоторые из стран—членов Лиги наций вообще отказались подчиниться решению о применении санкций к агрессору. В связи с этим Советское правительство, стремясь придать мероприятиям Лиги подлинную эффективность, потребовало распространить меры экономического давления на страны—члены Лиги

⁴⁷ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 373, p. 766.

⁴⁸ Coates W. and Z. World Affairs and USSR. L., 1939, p. 64.

⁴⁹ A. Furnia. The Diplomacy of Appeasement. Wash., 1960, p. 159.

⁵⁰ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 321, p. 680.

⁵¹ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 106.

⁵² Пытаясь повлиять на позицию стран—членов Лиги наций, итальянское правительство постоянно подчеркивало, что применение санкций к Италии приведет к всеобщей войне. — The Memoirs of A. Eden. Facing the Dictators. Boston, 1962, p. 331, 368; Diariusz i teki I. Szembeka, t. 1, str. 371.

⁵³ Муссолини позднее говорил Гитлеру, что если бы Лигой наций были применены «нефтяные» санкции, он был бы вынужден в течение недели покинуть Эфиопию. — The World in March 1939. L., 1952, p. 195.

наций, не присоединившиеся к санкциям против Италии⁵⁴. «Если Лига наций хочет быть опорой мира, то такой опорой могут быть не dobroхотные даяния, т. е. санкции в порядке добровольности, а лишь всеобщие обязательства. Там, где нет универсальности обязательств, нет и Лиги наций для той роли, на которую она претендует»⁵⁵, — заявил народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов 19 октября 1935 г. по поводу санкций против Италии.

Итало-эфиопская война вызвала определенный кризис в отношениях Рима с западными державами. В то же время агрессия Италии в Африке способствовала улучшению германо-итальянских отношений. Общая агрессивная платформа сближала позиции заправил третьего рейха и фашистской Италии. В беседе с германским послом в Риме в августе 1935 г. Муссолини приветствовал нейтралитет Германии в итало-эфиопском конфликте, который, как подчеркнул дуче, будет иметь «весьма благоприятное воздействие» на развитие германо-итальянских отношений⁵⁶. Однако интересы двух империалистических хищников приходили в столкновение в Дунайском бассейне. Муссолини не желал платить за германскую поддержку итальянской агрессии в Африке уступкой позиций в районе, который итальянский империализм считал сферой своего влияния. В начале 1936 г. итальянский посланник в Вене Прециози заявил австрийскому министру иностранных дел, что политика Стрезы стала для Италии «делом прошлого». В то же время итальянский дипломат подчеркнул, что «суверенитет и независимость Австрии являются, как и прежде, основой итальянской политики в Дунайском бассейне». «До тех пор, пока Австрия не покинет базу Римских протоколов, — добавил посланник, — она может быть уверена в дружбе и поддержке Италии»⁵⁷.

Однако в Вене уже не могли рассчитывать на безоговорочную поддержку Италией австрийской независимости. Не отказываясь от своих позиций в Дунайском бассейне, итальянское правительство давало понять Берлину, что в ответ на германское содействие захватническим планам Италии оно готово пойти на значительные уступки в австрийском вопросе. В январе 1936 г. Муссолини сообщил германскому послу в Риме, что настало время «для фундаментального улучшения германо-итальянских отношений». Дуче предложил, чтобы Берлин и Вена сами урегулировали свои отношения посредством заключения «договора о дружбе». Итальянское правительство не будет иметь возражений, если Австрия, оставаясь формально независимым государством, станет на практике сателлитом Германии, подчеркнул Муссолини⁵⁸.

⁵⁴ Coates W. and Z. *World Affairs and USSR*, p. 34.

⁵⁵ ДВП СССР, т. 18, № 384, стр. 532—533.

⁵⁶ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 246, p. 533.

⁵⁷ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1787, л. 116.

⁵⁸ DGFP. Ser. „C“, vol. 4, N 485, p. 975.

27 февраля 1936 г. палата депутатов французского парламента одобрила законопроект о ратификации советско-французского пакта. Французское правительство было вынуждено пойти на этот шаг под влиянием возросшего международного авторитета Советского Союза и серьезной опасности, прозвизшей Франции со стороны германского фашизма, а также под давлением прогрессивных сил внутри страны и за рубежом.

Незадолго до ратификации Гитлер, через посредство своего агента во Франции О. Абеца, дал французскому журналисту Б. Жувенелю интервью, в котором изложил свой взгляд на развитие франко-германских отношений. Утверждая, что единственная опасность, которая прозит ныне Европе, исходит из Советского Союза, фюрер выразил желание развивать франко-германское взаимопонимание. Относительно антифранцузских выпадов в «Майн Кампф» Гитлер заявил, что писал их под впечатлением оккупации Францией Рурской области⁵⁹.

Эта демонстрация миролюбия была частью подготовки нацистами аннулирования Локарнского договора и понадобилась Гитлеру, чтобы оправдать последовавший 7 марта 1936 г. захват Рейнской области.

Наличие демилитаризованной Рейнской области, где Германия не могла строить военные объекты и держать военные гарнизоны, имело первостепенное значение для обеспечения безопасности Франции. В сентябре 1933 г. тогдашний французский военный министр Даладье писал Ж. Поль-Бонкуру, что существование демилитаризованной зоны является «фундаментальным элементом» безопасности границ Франции⁶⁰.

Демилитаризация Рейнской области препятствовала осуществлению планов широкой агрессии, вынашиваемых в Берлине. 14 февраля 1936 г. Гитлер заявил германскому послу в Риме, что в связи с предстоящей ратификацией советско-французского пакта о взаимной помощи наступил подходящий момент для вступления в Рейнскую область. С военной точки зрения, подчеркнул Гитлер, осуществление этой задачи является «безусловной необходимостью»⁶¹.

7 марта 1936 г. германские войска вступили в Рейнскую область. В качестве предлога для нарушения соответствующих статей Версальского договора и Локарнских соглашений Гитлер избрал ратификацию палатой депутатов французского парламента советско-французского пакта о взаимной помощи, объявив, что ратифицировав пакт с СССР, Франция тем самым аннулировала Локарнские соглашения. О том, насколько надуманным был этот

⁵⁹ O. A betz. Das offene Problem. Köln, 1951, S. 78.

⁶⁰ G. Castellan. Le rearment clandestin du Reich 1930—1935. P., 1954, p. 554.

⁶¹ Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus 1933—1945. Bielefeld, 1961. Bd. 5, dok. F, S. 1.

предлог, свидетельствует следующий факт. В феврале 1936 г. германский посол в Риме Хассель предложил Гитлеру выступить в Париже и Лондоне с демаршами, направленными против ратификации. Ответом был категорический отказ⁶².

Очевидно, что ратификация советско-французского пакта рассматривалась в Берлине как платформа для новых агрессивных действий фашистов.

Реакционная французская печать развернула ожесточенную кампанию против договора с Советским Союзом, утверждая, что он является единственной причиной создавшейся ситуации. «Фигаро», вопреки фактам, заявляла, что СССР не собирается выполнять свои обязательства, вытекающие из пакта о взаимной помощи с Францией. «Ами дю пёплэ» вышла под заголовком: «Мы боремся не за Москву». «Энтрансжан» призывала смириться со свершившимся фактом, «чтобы предоставить Германии свободу рук» на востоке⁶³. Вместо быстрых и решительных действий французское правительство стало на путь бесконечных консультаций, что было на руку агрессору. Уже к 10 марта численность германских войск в Рейнской области достигла 45 тысяч человек⁶⁴.

9 марта, выступая в парламенте, английский министр иностранных дел А. Иден подчеркнул, что нет оснований расценивать нынешнюю германскую акцию как угрозу военных действий⁶⁵. Премьер-министр Болдуин категорически заявил, что Британия не может пойти на риск войны⁶⁶. Британский кабинет в большей степени опасался французской реакции на оккупацию Германией Рейнской области, чем самой оккупации. В английских дипломатических кругах заговорили о необходимости заключить «новое Локарно». Целью этих внешнеполитических манипуляций Лондона было ослабление влияния Советского Союза в Европе⁶⁷.

Решительное осуждение агрессивных действий гитлеровской Германии последовало только со стороны Советского правительства. Обострение положения в Европе вновь подчеркнуло важность основы международной безопасности, а именно то, что мир недолгим. 8 марта 1936 г. французское посольство в Москве сообщило в Париж, что правительство СССР выполнит свои обязательства, вытекающие из союзного договора с Францией⁶⁸. 9 марта советский полпред в Париже заявил французскому министру иностранных дел, что Франция может полностью рассчитывать на поддержку СССР в Лиге наций⁶⁹. Одновременно Советское правительство

⁶² Ibid., S. 88.

⁶³ K. Moltke. Krämer des Krieges. Berlin, 1953, S. 100.

⁶⁴ A. Furnia. The Diplomacy of Appeasement, p. 189.

⁶⁵ Parliamentary Debates. Official Report. 5th Series, vol. 309. L., 1936, p. 1812.

⁶⁶ M. Baumont. The Rhineland Crisis: 7 March 1936. — Troubled Neighbours. L., 1971, p. 165.

⁶⁷ T. Jones. A diary with Letters 1931—1950. L., 1954, p. 243.

⁶⁸ DDF. 2 ser., t. 1, N 329, p. 439.

⁶⁹ ДВП СССР, т. 19, № 70, стр. 129; № 74. стр. 131.

уведомило Прагу, что в случае агрессии против Чехословакии Советский Союз придет ей на помощь⁷⁰. Таким образом, СССР снова выступил как последовательный сторонник активной защиты мира и коллективных мер обуздания агрессоров. «Такая позиция Советского Союза, — говорил 17 марта 1936 г. глава советской делегации на сессии Совета Лиги наций народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов, — определяется его общей политикой борьбы за мир, за коллективную организацию безопасности и за сохранение одного из инструментов мира — существующей Лиги наций». Отметив, что Германия стремится к созданию гегемонии на европейском континенте, М. М. Литвинов осудил попытки реакционных кругов западных стран оставить безнаказанным новый акт германской агрессии. Он заявил: «Нельзя бороться за коллективную организацию безопасности, не принимая коллективных мер против нарушения международных обязательств. Мы не считаем, однако, такой мерой коллективную капитуляцию перед лицом агрессора, перед лицом нарушения договоров или коллективное поощрение таких нарушений и тем менее коллективное согласие на премирование агрессора путем принятия угодной и выгодной агрессору базы соглашения или других планов». Советское правительство добивается такого международного соглашения, «которое не только упрочило бы устой мира, но и, если возможно, создало бы новые. Мы за создание безопасности всем народам Европы против полумира, который не есть мир, а война», — подчеркнул М. М. Литвинов⁷¹.

19 марта Советское правительство со всей категоричностью заявило, что «вся помощь, необходимая Франции в связи с возможным нападением на нее европейского государства, поскольку она вытекает из франко-советского договора, который не содержит никаких ограничений в этом отношении, Франции была бы оказана со стороны Советского Союза»⁷².

Считая необходимым в безотлагательном порядке ускорить переговоры о заключении в дополнение к пактам о взаимной помощи с Францией и Чехословакией военных конвенций, Советское правительство предложило в марте 1936 г. начать переговоры между генштабами советской, французской и чехословацкой армий. Эта инициатива, однако, не встретила поддержки ни с французской, ни с чехословацкой стороны. В Париже и Праге были в большей степени озабочены поисками путей соглашения с Германией в рамках так называемого «нового Локарно», нежели укреплением сотрудничества с СССР. 18 марта видный французский политический деятель Ж. Поль-Бонкур заявил чехословацкому посланнику в Париже Осускому, что «сотрудничество французского и совет-

⁷⁰ DDF, 2 ser., t. 2, P., 1964, № 84, p. 140.

⁷¹ ДВП СССР, т. 19, № 87, стр. 153—161.

⁷² Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4. М., 1946, стр. 114.

ского генеральных штабов не имеет большого практического значения»⁷³. Подобной точки зрения придерживался и министр иностранных дел Фланден⁷⁴.

В Праге чутко следили за политическим барометром Парижа. Незадолго до оккупации германскими войсками Рейнской области президент Чехословакии Бенеш, в беседе с французским посланником в Праге, откровенно изложил свой взгляд на развитие чехословацко-советского сотрудничества. Отношения с СССР, сказал Бенеш, не выйдут за рамки отношений, которые «Франция решит установить с Советами»⁷⁵. В директиве о позиции Чехословакии к советскому предложению Бенеш писал: «Не нужно договоров. Вести с ними только ни к чему не обязывающий разговор. Ни о чем окончательно не договариваться»⁷⁶.

Настойчивое стремление Советского правительства придать действенность советско-французскому и советско-чехословацкому пактам о взаимной помощи серьезно беспокоило Лондон. Английские правящие круги опасались, что в случае осуществления советского плана создания эффективной системы коллективной безопасности против фашистской агрессии станет невозможным сговор с гитлеровской Германией на антисоветской основе. В связи с этим британское правительство оказывало сильный нажим на французские и чехословацкие правящие круги с целью замедлить, а по возможности и сорвать переговоры об углублении сотрудничества между СССР, Францией и Чехословакией. Советская инициатива вызвала протесты в Лондоне. Английское правительство, сообщал в Берлин германский посланник в Праге, выразило правительству Франции свое «неодобрение» попыткам углубить чехословацко-советское сотрудничество по военной линии. Париж поспешил вмешаться. Фланден дал понять чехословацким представителям, что переговоры с СССР нежелательны, ибо способствуют росту «беспокойства фюрера»⁷⁷. 25 марта 1936 г. Иден, выступая в палате общин, с удовлетворением отметил, что между Чехословакией и Советским Союзом нет соглашений военного характера⁷⁸.

События 7 марта подорвали международный престиж Франции. В мае 1936 г. румынский министр иностранных дел Титулеску в беседе с французским посланником в Бухаресте подчеркнул, что нежелание Парижа противодействовать германской агрессии серьезно поколебало доверие к Франции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и заклинал его «послать сигнал бедствия свое-

⁷³ R. Kvaček. Nemecká likvidace demilitarizovaného pohraničského pásma
7. března 1936. — „Československý časopis historický“, 1963, № 3, str. 328.

⁷⁴ DGFP. Ser. „C“, vol. 5, N 220, p. 307.

⁷⁵ DDF. 2 ser., t. 1, N 254, p. 360.

⁷⁶ Внешняя политика Чехословакии, стр. 406.

⁷⁷ DGFP. Ser. „C“, vol. 5, N 220, p. 307.

⁷⁸ M. Beloff. The Foreign Policy of Soviet Russia, vol. 1. L., 1952, p. 68.

му правительству»⁷⁹. Отсутствие каких-либо попыток со стороны французского правительства оказать сопротивление агрессору, говорил М. Торез, «убедило страны Центральной и Восточной Европы в том, что в случае опасности они не смогут рассчитывать на поддержку Франции»⁸⁰. В конце марта 1936 г. французский премьер-министр Фланден откровенно заявил британским представителям, что Франция более не может гарантировать безопасность Чехословакии, так как это стало «географически невозможно»⁸¹.

Ликвидация демилитаризованной Рейнской зоны, констатировалось в записке, составленной гитлеровским военным командованием для министерства иностранных дел, существенно укрепила позиции Германии в Европе⁸². В беседе с послом США во Франции Буллитом 18 мая 1936 г. германский министр иностранных дел Нейрат отметил, что германское правительство не собирается предпринимать активных действий во внешней политике до тех пор, пока не будет укреплена Рейтская область. Как только в Рейнской зоне будут возведены укрепления, страны Центральной Европы осознают, что Франция не сможет беспрепятственно прийти им на помощь и войдут в сферу влияния Германии, излагал Нейрат сокровенные планы гитлеровцев. Германский министр иностранных дел с одобрением отозвался о политике Югославии, которая, по его словам, никогда не признает Советский Союз⁸³.

Последствия отступления Франции перед агрессором сказались очень быстро. На сессии Совета Малой Антанты, состоявшейся в Белграде 4—6 мая 1936 г., греческий премьер-министр Метаксас добивался ограничения обязательств стран—членов этой группировки. Было решено, что обязательства оказания взаимной помощи вступят в силу лишь в случае агрессии со стороны какого-либо балканского государства. Во всех других случаях страны Балканской Антанты должны были ограничить свои действия рамками устава Лиги наций⁸⁴. Имея в виду принятые в Белграде решения, Метаксас заявил, что «Антанта (Балканская. — В. А.) является теперь больше политическим, нежели военным» союзом⁸⁵.

Ремилитаризация Рейнской области усилила угрозу независимости Австрии⁸⁶. Однако в Риме не были расположены сдавать свои позиции в Дунайском бассейне третьему рейху. Весной 1936 г. Муссолини неоднократно сообщал в Лондон и Париж о своем желании возродить «фронт Стрезы», но не встретил здесь

⁷⁹ DDF. 2 ser., t. 2, N 158, p. 244.

⁸⁰ М. Торез. Избранные произведения, т. 1. М., 1959, стр. 251.

⁸¹ J. Colvin. Vansittart in Office. L., 1965, p. 98.

⁸² Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv. v. T-120 360, N 7261, 270 908—270909.

⁸³ ЦГАОР СССР, ф. 7445, оп. 1, д. 1786, л. 99.

⁸⁴ DDF. 2 ser., t. 2, N 166, p. 253.

⁸⁵ L. S. Stavrianos. The Balkan since 1453. N. Y., 1958, p. 742.

⁸⁶ «Теперь очередь за нами», — сказал один из высших чиновников австрийского министерства иностранных дел французскому посланнику в Вене. — DDF. 2 ser., t. 1, N 308, p. 420.

поддержки⁸⁷. Стремясь укрепить Римский блок и, таким образом, усилить свое влияние в Австрии и Венгрии, итальянское правительство добилось подписания 23 марта 1936 г. соглашения, получившего название Второго Римского протокола⁸⁸. Заявив о своей верности «принципам протоколов, подписанных в Риме 17 марта 1934 г.», Муссолини, Шушниц и Гёмбёш взяли обязательство вступить в предварительный контакт друг с другом на случай «переговоров, касающихся Дунайского вопроса» с правительством третьего государства⁸⁹.

Состоявшаяся в начале мая 1936 г. сессия Постоянного совета Малой Антанты в Белграде свидетельствовала об углублении раскола внутри этой группировки. Югославский премьер-министр Стоядинович выступил против укрепления союза трех стран. Сессия фактически закончилась безрезультатно, не приняв каких-либо согласованных решений⁹⁰.

Обеспокоенный итогами белградской сессии президент Чехословакии Бенеш в середине мая в специальном послании предложил румынскому королю и югославскому принцу-регенту обсудить вопрос об укреплении Малой Антанты.

Совещание глав трех государств состоялось в Бухаресте с 6 по 9 мая 1936 г. Его участники пришли к выводу, что дальнейшая судьба Малой Антанты зависит от позиции Франции и Великобритании. Принц-регент Павел заверил Бенеша, что Югославия окажет поддержку Чехословакии против Германии⁹¹. Вместе с тем Павел вновь подтвердил нежелание югославского правительства признать СССР, утверждая, что это привело бы к усилению коммунистической пропаганды в Югославии⁹². Главы стран Малой Антанты приняли решение о расширении сети стратегических железных дорог, в том числе в Трансильвании и Буковине. Осуществление этого проекта значительно улучшило бы сообщение между Чехословакией и Советским Союзом через территорию Румынии⁹³.

Пытаясь укрепить союз трех стран, чехословацкая дипломатия предложила дополнить пакт Малой Антанты соглашением, которое бы гарантировало взаимную помощь странам—участникам этой группировки в случае агрессии со стороны любого государства. Это предложение, поддержанное румынским министром иностранных дел Титулеску, натолкнулось на сопротивление югослав-

⁸⁷ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны (1933—1939). Докт. дис. Пермь, 1973, стр. 105.

⁸⁸ В. И. Шихов. Второй Римский протокол. — Сб. докладов и сообщений по новой и новейшей истории. — Уч. зап. Пермского ун-та, № 149, 1966, стр. 192—200.

⁸⁹ Текст соглашения см.: «Мировое хозяйство и мировая политика», 1936, № 5, стр. 161.

⁹⁰ „Documente diplomatice“ N 442, p. 750—753.

⁹¹ DDF, 2 ser., t. 2, N 295, p. 453.

⁹² Ibidem.

⁹³ Ibid., N 304, p. 461.

ского регента, который утверждал, что в случае осуществления этого проекта «мы (страны Малой Антанты. — В. А.) восстановили бы против себя Германию»⁹⁴. Хотя проект не был окончательно отвергнут, разногласия, возникшие по его поводу, свидетельствовали об усилении центробежных тенденций внутри Малой Антанты.

Не способствовали укреплению сотрудничества трех стран и переговоры представителей генштабов югославской, румынской и чехословацкой армий, проходившие в Бухаресте во второй половине июня 1936 г. Проблема роста военной угрозы со стороны Германии не обсуждалась. Совещание ограничилось рекомендацией правительствам трех стран заключить пакт о военном сотрудничестве с Францией. Показательно, что военные представители Малой Антанты вообще не рассматривали вопрос о сотрудничестве с Красной Армией, хотя одна из стран малоантантовского блока (Чехословакия) имела союзный договор с СССР, а вторая (Румыния) вела переговоры о заключении пакта о взаимной помощи с Советским Союзом⁹⁵.

Развитие фашистской агрессии при полном попустительстве западных держав серьезно обострило международную обстановку. Советское правительство приняло меры к укреплению безопасности границ СССР.

22 июня 1936 г. в швейцарском городе Монтрё открылась конференция по пересмотру режима черноморских проливов. Вопрос об изменении статута проливов периодически поднимался Турцией начиная с 1933 г.⁹⁶ Нарастание угрозы развязывания войны в результате агрессивных действий германских и итальянских фашистов подчеркнуло необходимость пересмотра Лозаннской конвенции по проливам, которая не учитывала интересов черноморских стран и не была ратифицирована Советским Союзом. СССР первым из заинтересованных стран поддержал предложение Турции пересмотреть Лозаннскую конвенцию с целью привести режим проливов «в соответствие с интересами безопасности Турции и обеспечения мира и спокойствия в этой зоне»⁹⁷.

В работе конференций приняли участие все страны, подписавшие в свое время Лозаннскую конвенцию, за исключением Италии. Итальянский посол в Берлине заявил германскому министру иностранных дел, что «Италия не представлена (на конференции в Монтрё. — В. А.) и не признает любых решений, которые могут быть приняты там»⁹⁸. Французскому временному поверенному в делах в Риме было разъяснено, что участие Италии в работе конференции возможно только в случае отмены санкций, наложенных на нее в результате агрессии против Эфиопии. Французскому

⁹⁴ Внешняя политика Чехословакии, стр. 414.

⁹⁵ DDF. 2 ser., t. 2, N 365, p. 545—551.

⁹⁶ G. D. W a r s a m y. La convention des detroits (Montreux 1936). P., 1937, p. 81—82.

⁹⁷ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4, стр. 130—131.

⁹⁸ DGFP. Ser. „C“, vol. 5, N 442, p. 750.

дипломату, кроме того, дали понять, что итальянское правительство решительно возражает против упразднения международной комиссии по проливам⁹⁹.

На конференции выявилось существенное различие в точках зрения на режим черноморских проливов английской и советской делегаций. Советское правительство твердо и последовательно отстаивало принципы коллективной защиты мира, стремясь к созданию наиболее благоприятных условий для стран, которые в соответствии с этими принципами будут оказывать отпор агрессии. Выступая на открытии конференции в Монтрё, глава советской делегации народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов подчеркнул, что режим проливов должен быть изменен с учетом «справедливых требований Турции, с соблюдением интересов всех черноморских держав, а также интересов укрепления и обеспечения мира в бассейне Черного моря, содействуя тем самым укреплению всеобщего мира»¹⁰⁰. Британское правительство видело свою задачу в том, чтобы нанести удар политике коллективной безопасности и подорвать значение советско-французского пакта. Английские «умиротворители» строили свои планы в расчете запереть советский военный флот в Черном море¹⁰¹. В Лондоне считали, что если это удастся, то Франция потеряет интерес к пакту о взаимной помощи с СССР и станет возможной организация нового «крестового похода» против Советского Союза¹⁰².

Конференция в Монтрё привлекала пристальное внимание гитлеровской дипломатии. «Английская позиция во время переговоров находилась под сильным германским нажимом», — признал впоследствии член британской делегации в Монтрё Рендел. 1 июля 1936 г., во время обсуждения первоначального турецкого проекта новой конвенции о проливах, германский министр иностранных дел Нейрат, играя на настойчивом желании английских правящих кругов добиться соглашения с Гитлером, сообщил британскому послу в Берлине, что у германского правительства «возникли сомнения» в том, действительно ли Лондон стремится к сотрудничеству с Германией. Сообщения из Монтрё, продолжал Нейрат, говорят, что Иден готов пойти навстречу советским требованиям по вопросу о проливах. В ответ английский посол заверил Нейрата, что британская делегация в Монтрё приложит все силы к тому, чтобы воспрепятствовать принятию таких решений, которые позволили бы советскому военному флоту свободно передвигаться из Черного моря в Балтийское. Однако в конце беседы Нейрат счел необходимым вновь выразить британскому дипломату свои опасения относительно возможных уступок совет-

⁹⁹ DDF. 2 ser., t. 2, N 331, p. 500—501.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. 19, № 195, стр. 310—311.

¹⁰¹ DDF. 2 ser., t. 2, N 421, p. 647—648.

¹⁰² В. И. Попов. Конференция в Монтрё 1936 года. — «Вопросы истории», 1963, № 11, стр. 51.

ским требованиям в Монтрё и пригрозил, что если эти опасения подтвердятся, Германия будет вынуждена пересмотреть свое отношение к принципам англо-германского морского соглашения от 18 июня 1935 г.¹⁰³

Результат этого демарша не замедлил сказаться. 6 июля 1936 г. британская делегация выдвинула свой, отличный от турецкого, проект новой конвенции о проливах, который серьезно ущемлял интересы черноморских стран и был призван торпедировать усилия СССР по созданию коллективной безопасности в этом районе земного шара. Под давлением Англии представители Турции отказались от выдвинутого ими же ранее проекта новой конвенции о проливах, который в значительной степени обеспечивал интересы черноморских стран и был поддержан Советским Союзом, в пользу проекта, разработанного Форин оффис. Уступая нажиму англичан, Турция обязалась возражать против советских предложений.

В самый напряженный момент работы конференции грозным симптомом надвигавшихся в Европе событий послужило заключение австро-германского соглашения 11 июля 1936 г. В специальном докладе Гитлеру Папен писал: «С подписанием соглашения 11 июля сделан решающий шаг... Наши противники вынуждены признать, что главенство в европейской политике вырвано из рук французов или французов и англичан и перешло к Германии»¹⁰⁴. Выступая перед журналистами, Геббельс охарактеризовал соглашение от 11 июля как пролог к аншлусу Австрии¹⁰⁵.

11 июля Советское правительство выступило в Лондоне с решительным предупреждением, что если Англия будет настаивать на своем проекте, то советская делегация окажется вынужденной покинуть конференцию в Монтрё¹⁰⁶. Усиление германской экспансии в Европе побудило правительство Франции, которое ранее заявляло, что намерено сообразовывать свою позицию на переговорах об изменении режима проливов с позицией Англии¹⁰⁷, более решительно поддержать принципиальную позицию СССР в Монтрё. Французский делегат Ж. Поль-Бонкур подчеркнул, что «Франция не может допустить, чтобы договоры о взаимной помощи, заключенные ею в рамках устава Лиги наций, были сведены на нет»¹⁰⁸. В поддержку советской делегации выступил и румынский министр иностранных дел Н. Титулеску¹⁰⁹.

¹⁰³ DGFP. Ser. „C“, vol. 5, N 417, p. 714; Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv. T-120.1001, N 7268, 390 133.

¹⁰⁴ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе накануне второй мировой войны, стр. 112.

¹⁰⁵ ОРФ ИИ АН СССР, ф. «Ж», д. 40, л. 13.

¹⁰⁶ ДВП СССР, т. 19, № 219, стр. 358—362.

¹⁰⁷ Централен държавен исторически архив НРБ (далее ЦДИА), ф. 176, оп. 7, д. 248, л. 2.

¹⁰⁸ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4, стр. 151.

¹⁰⁹ Там же, стр. 152.

В результате решительного отпора, который встретили происки британской делегации в Монтрё со стороны Советского Союза, поддержанного Францией, Румынией, а по некоторым вопросам также Югославией и Грецией¹¹⁰, Лондон был вынужден отступить. Из Анкары также последовало указание турецким делегатам принять основные требования делегации СССР¹¹¹.

20 июля 1936 г. в Монтрё была подписана новая конвенция о проливах, которая заменила Лозаннскую. Советская делегация, отметил М. М. Литвинов на заключительном заседании конференции в Монтрё, в «весьма значительной мере» достигла своих целей¹¹². Военные корабли черноморских стран получили право свободно проходить через Босфор и Дарданеллы, для военных кораблей нечерноморских государств вводились ограничения. Турция получила право осуществлять полный суверенитет над зоной проливов. В период войны, если Турция не является воюющей стороной, проход через проливы военных судов воюющих стран воспрещался. В случае вступления Турции в войну или угрозы вовлечения ее в военный конфликт турецкому правительству предоставлялось право действовать по своему усмотрению¹¹³.

В Берлине, где накануне конференции в Монтрё злорадно утверждали, что требование Турции пересмотреть режим проливов является свидетельством провала политики коллективной безопасности¹¹⁴, успех советской дипломатии вызвал замешательство. Принятие новой конвенции породило здесь тревогу, что положительное завершение переговоров в Монтрё может послужить отправной точкой тесного сотрудничества между СССР, Францией и Англией¹¹⁵. Резкое недовольство гитлеровцев вызывал тот факт, что новая конвенция закрывала проход в Черное море крупным германским военным кораблям типа «Дойчланд»¹¹⁶. В меморандуме германского министерства иностранных дел отмечалось, что с военно-стратегической точки зрения новый режим проливов означает ослабление позиций Германии в этом районе¹¹⁷. Особо тревожила фашистских агрессоров перспектива применения в районах Черного и Средиземного морей важного фактора мира — советско-французского пакта о взаимной помощи и вытекавшая отсюда возможность решительного отпора агрессии со стороны объединенных сил советского и французского военно-

¹¹⁰ Ю. В. Борисов. Советско-французские отношения 1929—1945. М., 1964, стр. 316, 320.

¹¹¹ Л. Живкова. Англо-турские отношения 1933—1939. София, 1971, стр. 75.

¹¹² ДВП СССР, т. 19, № 229, стр. 372—374.

¹¹³ Внешняя политика СССР. Сб. документов, т. 4, стр. 152—160.

¹¹⁴ DDF, 2 ser. t. 2, N 77, p. 127.

¹¹⁵ Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv. T-1 201 001, N 7268, 390 189.

¹¹⁶ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе, стр. 1113.

¹¹⁷ Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv. T-1201 001, N 7268, 390 185.

морских флотов¹¹⁸. В Берлине возникли опасения, что новый режим проливов может побудить Турцию в какой-либо форме присоединиться к франко-советскому пакту о взаимной помощи¹¹⁹.

На конференции в Монтрё особенно четко выявился отход Турции от политики сотрудничества с СССР. Французские газеты писали, что в Монтрё представился случай для «второго англо-турецкого медового месяца»¹²⁰. Британская дипломатия стремилась полностью переориентировать турецкую внешнюю политику на Англию. Согласившись на изменение режима проливов, английские правящие круги надеялись теснее привязать к себе Турцию¹²¹. «События, развивавшиеся в годы после конференции в Монтрё, показали, — писал турецкий историк А. Эсмер, — что эти надежды не были пустыми»¹²².

Параллельно с обсуждением вопроса об изменении статуса проливов в Монтрё состоялись переговоры между главами делегаций Советского Союза и Румынии М. М. Литвиновым и Н. Титулеску о заключении советско-румынского договора о взаимной помощи. 21 июля М. М. Литвинов и румынский министр иностранных дел достигли соглашения о принципах, которые должны были лечь в основу советско-румынского договора¹²³. Попытка румынского правительства добиться признания Советским Союзом в качестве государственной границы реки Днестр потерпела провал. Считая, тем не менее, главной задачей организацию отпора фашистской агрессии, Советское правительство проявило готовность временно отложить разрешение конфликта¹²⁴. Однако в августе 1936 г. в результате интриг внутренней и внешней реакции Титулеску был выведен из состава румынского правительства. Это положило конец советско-румынским переговорам о заключении пакта о взаимной помощи. Министерство иностранных дел Румынии возглавил сторонник «нейтралистской» линии во внешней политике В. Антонеску. В докладе Гитлеру Папен писал, что новый румынский министр иностранных дел является франкофилом. Однако он будет безоговорочно следовать линии, утвержденной королем¹²⁵. В беседе с германским посланником в Румынии Антонеску прямо заявил, что причиной отставки Титулеску явилась политика, проводимая им в отношении СССР.

¹¹⁸ И. Н. Чемпалов. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе, стр. 113.

¹¹⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, д. 245, л. 60.

¹²⁰ A. S. Esmer. Siyasi tarih. 1919—1939. Ankara, 1953, S. 227.

¹²¹ Deutschland. Auswärtiges Amt. Archiv. T-1 201 001, 7268, 390 148—390 149.

¹²² A. S. Esmer. Siyasi tarih, S. 227.

¹²³ R. Deutsch. Conferinta de la Montreux (1936). — „Anale de istorie“. Bucuresti, 1969, № 1, p. 101.

¹²⁴ Н. И. Лебедев. Внешняя политика буржуазно-помещичьих кругов Румынии (1932—1938). — «Вопросы истории», 1967, № 8, стр. 67.

¹²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 7445; оп. 1, д. 1787, л. 137.

Румынское правительство, сказал Антонеску, верно союзу с Польшей и сделает все, чтобы укрепить этот союз¹²⁶.

Таким образом, в условиях подготовки империалистическими державами новой мировой войны только Советское правительство стремилось отстоять мир для народов, твердо и неуклонно выступало за организацию коллективного отпора агрессорам. Советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи могли стать надежным фундаментом общеевропейской системы коллективной безопасности и закрыть путь для фашистской агрессии. Итоги конференции в Монтрё свидетельствовали о больших возможностях сотрудничества стран, заинтересованных в сохранении и укреплении мира.

Однако реакционные круги западных держав по-прежнему стремились к антисоветскому сговору с фашистскими агрессорами. Правительства Франции и Чехословакии оставили без применения свои договоры с СССР, продемонстрировав тем самым свое нежелание сотрудничать с Советским Союзом в деле сохранения мира. Правящие круги стран Центральной и Юго-Восточной Европы, входивших во французскую систему военно-политических союзов, также фактически попустительствовали фашистской агрессии. Отказ от сотрудничества с СССР обрекал эти страны на превращение в разменную монету в торговле империалистических держав и в конечном итоге на потерю независимости.

¹²⁶ DGFP. Ser. „C“, vol. 5, N 528, p. 950.